

Баллады. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyvasily.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!

Баллады. Василий Андреевич Жуковский

Людмила

[1]

«Где ты, милый? Что с тобою?

С чужеземною красою.

Знать, в далекой стороне

Изменил, неверный, мне;

Иль безвременно могила

Светлый взор твой угасила».

Так Людмила, приуныв,

К персям[2] очи приклонив,

На распутии вздыхала.

«Возвратится ль он, – мечтала, –

Из далеких, чуждых стран

С грозной ратнью славян?»

Пыль туманит отдаленье;

Светит ратных ополченье;

Топот, ржание коней;

Трубный треск и стук мечей;

Прахом панцири покрыты;

Шлемы лаврами обвиты;

Близко, близко ратный строй;

Мчатся шумною толпой

Жены, чада, обрученны..

«Возвратились незабвенны!..»

А Людмила?.. Ждет-пождет...

«Там дружину он ведет;

Сладкий час – соединенье!..»

Вот проходит ополченье;

Миновался ратных строй...

Где ж, Людмила, твой герой?

Где твоя, Людмила, радость?

Ах! прости, надежда-сладость!

Все погибло: друга нет.

Тихо в терем свой идет,

Томну голову склонила:

«Расступись, моя могила;

Гроб, откройся; полно жить;

Дважды сердцу не любить».

«Что с тобой, моя Людмила? –

Мать со страхом возопила. –

О, спокой тебя творец!» –

«Милый друг, всему конец;

Что прошло – невозвратимо;

Небо к нам неумолимо;

Царь небесный нас забыл...

Мне ль он счастья не сулил?

Где ж обетов исполненье?

Где святое провиденье?

Нет, немилостив творец;

Все прости; всему конец».

«О Людмила, грех роптанье;

Скорбь – создателя посланье;

Зла создатель не творит;

Мертвых стон не воскресит». –

«Ах! родная, миновалось!

Сердце верить отказалось!

Я ль, с надеждой и мольбой,

Пред иконою святой

Не точила слез ручьями?

Нет, бесплодными мольбами

Не призвать минувших дней;

Не цвести душе моей.

Рано жизнью насладилась,

Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимых?
Возвращу ль невозвратимых?» –
«Царь небес, то скорби глас!
Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай – смиренным воздаянье,
Ад – бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам».
«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе – всюду рай;
С милым розно – райский край
Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня спаситель!» –
Так Людмила жизнь кляла,
Так творца на суд звала...
Вот уж солнце за горами;
Вот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.
Вот и месяц величавый
Встал над тихою дубравой:
То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,
И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облеченны...
Спят пригорки отдаленны,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.
Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины
Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездок;
Борзый конь и ржет и пышет.
Вдруг... идут... (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...
Тихобрякнуло кольцо...
Тихим шепотом сказали...
(Все в ней жилки задрожали.)
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:
«Спит иль нет моя Людмила?
Помнит друга иль забыла?
Весела иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет». –
«Ты ль? Откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слез.
Знать, тронулся царь небес
Бедной девицы тоскою.
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»
«Близ Наревы[3] дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет –
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; мою будь...
Чу! совы пустынной крики.

Слышишь? Пенье, брачны лики[4].
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал».
«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;
Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт». –
«Ветер буйный перестанет;
Стихнет бор, луна проглянет;
Едем, нам сто верст езды.
Слышишь? Конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;
Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек».
«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит». –
«Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится;
Мигом борзый конь домчится». –
«Где ж, скажи, твой тесный дом?» –
«Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный,
Свежим дерном покровенный;
Саван, крест и шесть досток.
Едем, едем, путь далек».
Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему главою.
Скоком, летом по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышет конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубами;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
С громом зыблются мосты.
«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» –
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом – земли утроба». –
«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист,
Черный ворон встрепенулся;
Вздвогнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек». –
«Близко ль, милый?» – «Путь далек».
Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.
«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» –
«Что до мертвых? что до гроба?

Мертвых дом – земли утроба». –
«Конь, мой конь, бежит песок[5];
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчися;
Звезды утренни зажглися,
Месяц в облаке потух.
Конь, мой конь, кричит петух».
«Близко ль, милый?» –
«Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;
Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,
И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась.
Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле,
Бух в нее, и с седоком.
Вдруг – глухой подземный гром;
Страшно доски затрещали;
Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой – гроб; жених – мертвец.
Видит труп оцепенелый;
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид:
Впалы мертвые ланиты;
Мутен взор полуоткрытый;
Руки сложены крестом.
Вдруг привстал... манит перстом...
«Кончен путь; ко мне, Людмила;
Нам постель – темна могила;
Завес – саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».
Что ж Людмила?.. Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,
Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках,
Визг и скрежет под землю;
Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон творец;
Час твой бил, настал конец».
14 апреля 1808
Светлана
А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок[6]
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;

Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.
Тускло светится луна
В сумраке тумана –
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: „Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом наложье“ [7]».
«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался – вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».
Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркале стекле
В полночь, без обмана,
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».
Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.
Подпершился локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами

Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»
Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.
Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто все вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.
Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил[8]
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран[9], свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрее,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.
Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,

Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться – следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.
Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной[10];
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.
Все утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Все в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.
Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь – на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.
Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее – мертвец!
Ах!.. и пробудилась.
Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна

Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пеньем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он –
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»
Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.
Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!
Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава – нас учили – дым;
Свет – судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье – лживый сон;
Счастье – пробужденье».
О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...[11]
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа – как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо – бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.
1808–1812

[12]

На Посидонов[13] пир веселый,
Куда стекались чада Гелы[14]
Зреть бег коней и бой певцов,
Шел Ивик, скромный друг богов.
Ему с крылатою мечтою
Послал дар песней Аполлон[15];
И с лирой, с легкою клюкою,
Шел, вдохновенный, к Истму он.
Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринф[16] и горы,
Слиянны с синевой небес.
Он входит в Посидонов лес...
Все тихо: лист не колыхнется;
Лишь журавлей по вышине
Шумящая станица вьется
В страны полуденны к весне.
«О спутники, ваш рой крылатый,
Досель мой верный провожатый,
Будь добрым знамением мне.
Сказав: прости! родной стране,
Чужого берега посетитель,
Ищу приюта, как и вы;
Да отвратит Зевес[17] -хранитель
Беду от странничьей главы».
И с твердой верою в Зевеса
Он в глубину вступает леса;
Идет заглохшею тропой...
И зрит убийц перед собой.
Готов сразиться он с врагами;
Но час судьбы его приспел:
Знакомый с лирными струнами,
Напрячь он лука не умел.
К богам и к людям он взывает...
Лишь эхо стоны повторяет –
В ужасном лесе жизни нет.
«И так погибну в цвете лет,
Истлею здесь без погребенья
И не оплакан от друзей;
И сим врагам не будет мщенья,
Ни от богов, ни от людей».
И он боролся уж с кончиной...
Вдруг... шум от стаи журавлиной;
Он слышит (взор уже угас)
Их жалобно-стелящий глас.
«Вы, журавли под небесами,
Я вас в свидетели зову!
Да грянет, привлеченный вами,
Зевесов гром на их главу».
И труп узрели обнаженный:
Рукой убийцы искаженны
Черты прекрасного лица.
Коринфский друг узнал певца.
«И ты ль недвижим предо мною?
И на главу твою, певец,
Я мнил торжественной рукою
Сосновый положить венец».
И внемлют гости Посидона,
Что пал наперсник Аполлона...
Вся Греция поражена;
Для всех сердец печаль одна.
И с диким ревом исступленья
Пританов[18] окружил народ,
И вопит: «Старцы, мщенья, мщенья!
Злодеям казнь, их сгибни род!»

Но где их след? Кому приметно
Лицо врага в толпе несметной
Притекших в Посидонов храм?
Они ругаются богам.
И кто ж – разбойник ли презренный
Иль тайный враг удар нанес?
Лишь Гелиос[19] то зрел священный,
Все озаряющий с небес.
С подъятой, может быть, главою,
Между шумящею толпою,
Злодей сокрыт в сей самый час
И хладно внешне скорби глас;
Иль в капище[20], склонив колени,
Жжет ладан гнусною рукой;
Или теснится на ступени
Амфитеатра за толпой,
Где, устремив на сцену взоры
(Чуть могут их сдержат подпоры),
Пришед из ближних, дальних стран,
Шумя, как смутный океан,
Над рядом ряд, сидят народы;
И движутся, как в бурю лес,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небес.
И кто сочтет разноплеменных,
Сим торжеством соединенных?
Пришли отсюда: от Афин,
От древней Спарты, от Микин[21],
С пределов Азии далекой,
С Эгейских вод, с фракийских гор...
И сели в тишине глубокой,
И тихо выступает хор.
По древнему обряду, важно,
Походкой мерной и протяжной,
Священным страхом окружен,
Обходит вокруг театра он.
Не шествуют так персти[22] чада;
Не здесь их колыбель была.
Их стана дивная громада
Предел земного перешла.
Идут с поникшими главами
И движут тощими руками
Свечи, от коих темный свет;
И в их ланитах крови нет;
Их мертвы лица, очи впалы;
И свитые меж их власов
Эхидны движут с свистом жалы,
Являя страшный ряд зубов.
И стали вокруг, сверкая взором;
И гимн запели диким хором,
В сердца вонзающий боязнь;
И в нем преступник слышит: казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринний[23] страшный хор гремит;
И, цепенея, внешне зритель;
И лира, онемев, молчит:
«Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнем ему вослед;
Ему чужда дорога бед...
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень, за вами всюду мы,
С грозой мщенья во взоре,
Ужасные созданья тьмы.
Не мните скрыться – мы с крылами;
Вы в лес, вы в бездну – мы за вами;
И, спутав вас в своих сетях,
Растерзанных бросаем в прах.

Вам покаянье не защита;
Ваш стон, ваш плач – веселье нам;
Терзать вас будем до Коцита[24],
Но не покинем вас и там».
И песнь ужасных замолчала;
И над внимавшими лежала,
Богинь присутствием полна,
Как над могилой, тишина.
И тихой, мерною стопою
Они обратно потекли,
Склонив главы, рука с рукою,
И скрылись медленно вдали.
И зритель – зыблемый сомненьем
Меж истиной и заблуждением –
Со страхом мнит о Силе той,
Которая, во мгле густой
Скрываясь, неизбежима,
Вьет нити роковых сетей,
Во глубине лишь сердца зрима,
Но скрыта от дневных лучей.
И всё, и всё еще в молчанье...
Вдруг на ступенях восклицанье:
«Парфений, слышишь?.. Крик вдали –
То Ивиковы журавли!..»
И небо вдруг покрылось тьмою;
И воздух весь от крыл шумит;
И видят... черной полосой
Станица журавлей летит.
«Что? Ивик!..» Все поколебалось –
И имя Ивика помчалось
Из уст в уста... шумит народ,
Как бурная пучина вод:
«Наш добрый Ивик! наш сраженный
Врагом незнаемым поэт!..
Что, что в сем слове сокровенно?
И что сих журавлей полет?»
И всем сердцам в одно мгновенье,
Как будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: «Убийца тут;
То Эвменид[25] ужасных суд;
Отмщенье за певца готово;
Себе преступник изменил.
К суду и тот, кто молвил слово,
И тот, кем он внимаем был!»
И бледен, трепетен, смятенный,
Незапной речью обличенный,
Исторгнут из толпы злодей;
Перед седалище судей
Он привлечен с своим клеветом;
Смущенный вид, склоненный взор
И тщетный плач был их ответом;
И смерть была им приговор.
1813

Рыцарь Тогенбург

[26]

«Сладко мне твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовьию иною
Не могу любить:
При разлуке, при свиданье
Сердце в тишине –
И любви твоей страданье
Непонятно мне».
Он глядит с немой печалью –
Участь решена;

Руку сжал ей; крепкой сталью
Грудь обложена;
Звонкий рог созвал дружину;
Все уж на конях;
И помчались в Палестину,
Крест на раменах[27].
Уж в толпе врагов сверкают
Грозно шлемы их;
Уж отвагой изумляют
Чуждых и своих.
Тогенбург лишь выйдет к бою –
Сарацин[28] бежит...
Но душа в нем всё тоскою
Прежнюю болит.
Год прошел без утоленья...
Нет уж сил страдать;
Не найти ему забвенья –
И покинул рать.
Зрит корабль – шумят ветрилы[29],
Бьет в корму волна, –
Сел и поплыл в край тот милый,
Где цветет она.
Но стучится к ней напрасно
В двери пилигрим;
Ах, они с молвой ужасной
Отперлись пред ним:
«Узы вечного обета
Приняла она;
И, погибшая для света,
Богу отдана».
Пышны праотцев палаты
Бросить он спешит;
Навсегда покинул латы;
Конь навек забыт;
Власяной покрыт одеждой
Инок в цвете лет,
Не украшенный надеждой
Он оставил свет.
И в убогой келье скрылся
Близ долины той,
Где меж темных лип светился
Монастырь святой:
Там – сияло ль утро ясно,
Вечер ли темнел –
В ожиданье, с мукой страстной,
Он один сидел.
И душе его унылой
Счастье там одно:
Дождаться, чтоб у милой
Стукнуло окно,
Чтоб прекрасная явилась,
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.
И, дождавшись, на ложе
Простирался он;
И надежда: завтра то же! –
Услаждала сон.
Время годы вводило...
Для него ж одно:
Ждать, как ждал он, чтоб у милой
Стукнуло окно;
Чтоб прекрасная явилась;
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.
Раз – туманно утро было –
Мертв он там сидел,

Бледен ликом, и уныло
На окно глядел.
Январь 1818
Лесной царь

[30]

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.
«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» –
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой». –
«О нет, то белеет туман над водой».
«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».
«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит». –
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».
«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».
«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей». –
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».
«Дитя, я пленился твоей красотой;
Неволей иль волей, а будешь ты мой». –
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».
Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал..
В руках его мертвый младенец лежал.
<март> 1818
Замок Смальгольм, или Иванов вечер

[31]

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон[32].
Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;
Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.
Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.
Анкрамморския битвы[33] барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;
Но железный шолом был иссечен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаясь в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул, и паж молодой
На условленный свист прибежал.
«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.
Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»
«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).
И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.
Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна – я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одинок маяк пламенел.
На другую же ночь – я за ней по следам
На вершину опять побежал, –
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.
Подпершись мечом, он стоял пред огнем,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.
И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.
И сказала (я слышал): “В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас:
Он теперь на свиданье ином;
Он с могучим Боклю ополчился теперь:
Он в сраженье забыл про меня –
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня”.
“Я не властен прийти, я не должен прийти,
я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
я пойду... мне товарища нет”.
“О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.
Я собак привяжу, часовых уложу,
я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной”:
“Пусть собака молчит, часовой не трубит,
И трава не слышна под ногой, –
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной”.
“Он уйдет к той поре: в монастырь на горе
Панихиду он позван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дни поминки творить”.
Он нахмурясь глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.
“Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитой мглы”.
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У маяка пустынной скалы».
И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
«Но скажи наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!»
«Показалось мне при блестящем огне:
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».
«Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец».
«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне,
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».
И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.
«Нет! в могиле покой; он лежит под землей;
Ты неправду мне, паж мой, сказал.
Где бежит и шумит меж утесами Твид[34],
Где подьется мрачный Эльдон[35],
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.
Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой».
Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку, и видит: с печалью в лице,
Одинок-унылая, там
Молодая жена – и тиха и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.
«Я с тобою опять, молодая жена». –
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?»
«Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей».
При ответе таком изменилась лицом
И ни слова... ни слова и он:
И пошла в свой покой с наклоненной главой,
И за нею суровый барон.
Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подыметя он:
Мертвецы не встают из могил».
Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.
Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шашке и броне,
Вдруг явился Ричард Кольдингам.
«Воротись, удалися», – она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит, –
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают – и труп мой зарыт.
Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;
Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».
Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: «Но что же с тобой?
Дай один мне ответ – ты спасен ли иль нет?»
Он печально потряс головой.
«Выкупается кровью пролитая кровь, –
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь, –
Ты сама будь свидетель тому».
Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал –
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.
И печать роковая в столе возжжена;
Отразились пальцы на нем;
На руке ж – но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.
Есть монахиня в древних Драйбургских стенах[36]:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.
Сей монах молчаливый и мрачный – кто он?
Та монахиня – кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.
<июль> 1822
Торжество победителей

[37]

Пал Приамов град[38] священный;
Грудой пепла стал Пергам[39];
И, победой насыщенные,
К острогрудым кораблям
Собрались эллины – тризну
В честь минувшего свершить
И в желанную отчизну,
К берегам Эллады плыть.
Пойте, пойте гимн согласный:
Корабли обращены
От враждебной стороны
К нашей Греции прекрасной.
Брегом шла толпа густая
Илионских дев и жен:
Из отеческого края
Их вели в далекий плен.
И с победной песнью дикой
Их сливался тихий стон
По тебе, святой, великий,
Невозвратный Илион[40].
Вы, родные холмы, нивы,
Нам вас боле не видать;
Будем в рабстве увядать...
О, сколь мертвые счастливы!
И с предведением во взгляде
Жертву сам Калхас[41] заклал:
Грады зиждущей Палладе[42]

и губящей (он воззвал),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валов,
и носящему Горгону[43]
Богу смертных и богов![44]
Суд окончен; спор решился;
прекратилась борьба;
Все исполнила Судьба:
Град великий сокрушился.
Царь народов, сын Атрея[45]
Обозрел полков число:
Вслед за ним на брег Сигея[46]
Много, много их пришло...
И незапный мрак печали
Отуманил царский взгляд:
Благороднейшие пали...
Мало с ним пойдет назад.
Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено,
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье!
И не всякий насладится
Миром, в свой пришедши дом:
Часто злобный ков[47] таится
За домашним алтарем;
Часто Марсом[48] пощажённый
Погибает от друзей
(Рек, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей[49]).
Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны:
Постоянный мир им страшен.
И стоящий близ Елены
Менелай[50] тогда сказал:
Плод губительный измены –
Ею сам изменник пал;
И погиб виной Париды[51]
Отягченный Илион...
Неизбежен суд Кронида[52],
Всё блюдет с Олимпа[53] он.
Злому злой конец бывает:
Гибнет жертвой Эвменид,
Кто безумно, как Парид,
Право гостя оскверняет.
Пусть веселый взор счастливых
(Оилеев сын[54] сказал)
Зрит в богах богов правдивых;
Суд их часто слеп бывал:
Сколько бодрых жизнь поблёлка!
Сколько низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла[55];
Жив презрительный Терсит[56].
Смертный, царь Зевес Фортуне[57]
Своенравной предал нас;
Уловляй же быстрый час,
Не тревожа сердца втуне.
Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь,
Ты, мой брат[58], ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас, пожаром
Осаждённых, защитил...
Но коварнейшему[59] даром
Щит и меч Ахиллов был.
Мир тебе во тьме Эрева![60]
Жизнь твою не враг отнял:
Ты своею силой пал,

жертва гибельного гнева[61].
О Ахилл! о мой родитель!
(Возгласил Неоптолем[62])
Быстрый мира посетитель,
Жребий лучший взял ты в нем.
Жить в любви племен делами –
Благо первое земли;
Будем вечны именами
И сокрытые в пыли!
Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвезть она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!
Смерть велит умолкнуть злобе
(Диомед[63] провозгласил):
Слава Гектору[64] во гробе!
Он краса Пергама был;
Он за край, где жили деда,
Веледушно пролил кровь;
Победившим – честь победы!
Охранявшему – любовь!
Кто, на суд явясь кровавый,
Славно пал за отчий дом,
Тот, почтённый и врагом,
Будет жить в преданьях славы.
Нестор[65], жизнью убеленный,
Нацедил вина фиал
И Гекубе[66] сокрушенной
Дружелюбно выпить дал.
Пей страданий утоленье;
Добрый Вакхов дар вино:
И веселость и забвенье
Проливает в нас оно.
Пей, страдалица! Печали
Услаждаются вином:
Боги жалостные в нем
Подкрепленье сердцу дали.
Вспомни мать Ниобею[67]:
Что изведала она!
Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена!
Но и с нею, безотрадной,
Добрый Вакх не даром был:
Он струею виноградной
Вмиг тоску в ней усыпил.
Если грудь вином согрета
И в устах вино кипит:
Скорби наши быстро мчит
Их смывающая Лета[68].
И вперила взор Кассандра[69],
Вняв шепнувшем ей богам,
На пустынный брег Скамандра[70],
На дымящийся Пергам.
Все великое земное
Разлетается, как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим..
Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящий в гробе, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий.
1828

Суд Божий над епископом

[71]

Были и лето и осень дождливы;

Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод, народ умирал.
Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.
Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.
Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.
«Дожили мы до нежданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет» –
Так говорил изумленный народ.
К сроку собрались званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен,
В нем угостит их епископ Гаттон.
Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.
Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: «Будут мне все благодарны:
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».
В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.
Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.
Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».
Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».
Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит.
«В Рейнской башне спасусь», – говорит.
Башня из рейнских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.
В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.
Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.
Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмуривав глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим;
Вспыхнули ярко два глаза над ним.
Смотрит он... кошка сидит и мяучит;

Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.
Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.
Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.
Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?
Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.
1831

Кубок

[72]

«Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».
Так царь возгласил, и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.
«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?»
Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье – на вызов ответ;
В молчанье на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасный?»
И все безответны... вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко вперед;
Он снял епанчу[73], и снял пояс он свой;
Их молча на землю кладет...
И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»
И он подступает к наклону скалы
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спирались и пена кипела,
Как будто гроза, наступая, ревела.
И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?
И вдруг, успокоясь, волнение легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева...
И он, упредя разъяренный прилив,

Спасителя-бога призвал,
И дрогнули зрители, все возопив, –
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла;
Его не спасет никакая уж сила.
Над бездной утихло... в ней глухо шумит...
И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:
«Красавец отважный, прости!»
Все тише и тише на дне ее воет...
И сердце у всех ожиданием ноет.
«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: кто венец возвратит,
Тот с ним и престол мой разделит со мной! –
Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.
Немало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье грозы недалекой.
И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным ревом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.
Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из волны...
И борется, спорит с волной...
И видят – весь берег потрясся от клича, –
Он левою правит, а в правой – добыча.
И долго дышал он, и тяжело дышал,
И божий приветствовал свет...
И каждый с весельем: «Он жив! – повторял. –
Чудеснее подвига нет!
Из темного гроба, из пропасти влажной
Спас душу живую красавец отважный».
Он на берег вышел; он встречен толпой;
К царевым ногам он упал
И кубок у ног положил золотой;
И дочери царь приказал:
Дать юноше кубок с струей винограда;
И в сладость была для него та награда.
«Да здравствует царь! Кто живет на земле,
Тот жизнью земной веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
И смертный пред богом смиришь:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.
Стрелою стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.
Но богу молитву тогда я принес,
И он мне спасителем был:
Торчащий из мглы я увидел утес
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.
И смутно все было внизу подо мной
В пурпуровом сумраке там;
Все спало для слуха в той бездне глухой;

Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.
Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.
И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один меж чудовищ, с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко,
Под звуком живым человеческого слова,
Меж страшных жильцов подземелья немого.
И я содрогался... вдруг слышу: ползет
Стоногое грозно из мглы,
И хочет схватить, и разинулся рот...
Я в ужасе прочь от скалы!..
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомета порывом».
Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,
В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морского».
То слыша, царица с волненьем в груди,
Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершит?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младого».
Но царь, не внимая, свой кубок златой
В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
Когда с ним воротиться, ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твоею женою».
В нем жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет она;
Он видит: в ней жалость и страх...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...
Утихнула бездна... и снова шумит...
И пеною снова полна...
И с трепетом в бездну царица глядит...
И бьет за волною волна...
Приходит, уходит волна быстротечно –
А юноши нет и не будет уж вечно.
<1825>–<март>1831

Сноски

1

Вольный перевод баллады Бюргера «Ленора». Жуковский русифицировал сюжет, заменив имя героини славянским именем «Людмила» и перенес действие в историческую обстановку Руси XVI–XVII вв.

2

Перси (слав.) – грудь.

3

Нарева – Нарва.

4

Лики (слав.) – хоры.

5

Бежит песок... – по разъяснению Жуковского, подразумеваются песочные часы.

6

Крещенский вечерок – канун церковного праздника Крещения.

7

Налой (аналой – церк. – слав.) – высокий столик с покатым верхом для икон и богослужебных книг.

8

Паникадило (церк. – слав.) – люстра со свечами.

9

Вран (слав.) – ворон.

10

Запона – покров.

11

Ты, моя Светлана... – обращение к А. А. Протасовой, в замужестве Воейковой, которой посвящена баллада.

12

Перевод баллады Шиллера. Ивик – полулегендарный странствующий певец, живущий в Греции в VI в. до н. э. Сюжетом для баллады послужило предание о смерти Ивика, убитого разбойниками, и последующем неожиданном саморазоблачении убийц.

13

Посидон (Посейдон, греч. миф.) – бог моря. Под «Посидоновым пиром» подразумеваются игры в честь Посидона, справлявшиеся на Коринфском перешейке (Истме).

14

Гела – Эллада, Греция.

15

Аполлон (греч. миф.) – бог света, покровитель искусств.

16

Акрокоринф – крепость в городе Коринфе.

17

Зевес (Зевс, греч. миф.) – главный бог греков.

18

Пританы – судьи.

19

Гелиос (греч. миф.) – бог солнца.

20

Капище – языческий храм.

21

Микины (Микены, Микена) – город в Греции.

22

Персть – земля, пыль, прах.

23

Эриннии (греч. миф.) – богини-мстительницы.

24

Коцит (греч. миф.) – река в подземном царстве теней.

25

Эвмениды (греч. миф.) – то же, что Эриннии.

26

Перевод баллады Шиллера.

27

Рамена (слав.) – плечи.

28

Сарацин – в Средние века так называли в Европе мусульман.

29

Ветрилы – паруса.

30

Перевод баллады Гете.

31

Перевод баллады Вальтера Скотта «Канун Иванова дня». Замок Смальгольм находился на юге Шотландии. Принадлежал одному из родственников Вальтера Скотта.

32

Бротерстон – лощина в горах, находящаяся в нескольких милях от замка Смальгольм.

33

Анкрамморская битва – сражение между шотландскими войсками под предводительством Вальтера Скотта-Боклю и Арчибальда Дугласа и вторгшимися в Шотландию англичанами при деревне Анкрам-муре.

34

Твид – река в Шотландии.

35

Эльдон – холм близ города Мельроз в Шотландии.

36

Драйбургские стены – аббатство в Шотландии.

37

Перевод баллады Шиллера «Праздник победы» на сюжет, почерпнутый из «Илиады» Гомера и «малых» поэм о Троянской войне.

38

Приамов град – Троя, последним царем которой был Приам.

39

Пергам – крепость в Трое.

40

Илион – другое название Трои.

41

Калхас – верховный жрец Аполлона, прорицатель, участник Троянской войны.

42

Паллада (греч. миф.) – богиня мудрости и войны.

43

Горгона (греч. миф.) – крылатое чудовище, повергающее людей в ужас.

44

Бог смертных и богов – Зевс; на его щите была изображена голова Горгоны.

45

Сын Атрея – Агамемнон, царь Микен.

46

Сигей – мыс у входа в Геллеспонт, ныне Босфор.

47

Ков – заговор, коварное намерение.

48

Марс (рим. миф.) – бог войны.

49

Одиссей – царь Итаки.

50

Елена – жена царя Спарты Менелая.

51

Парид (Парис) – сын троянского царя Приама. Похищение Парисом Елены, по преданию, вызвало Троянскую войну.

52

Баллады. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyvasily.ru
Кронид – Зевс, сын Крона (Кроноса, Хроноса – греч. миф.), бога времени.

53
Олимп – гора в Греции, считавшаяся священной.

54
Оилеев сын – Аякс, один из участников Троянской войны.

55
Патрокл – друг Ахиллеса, один из героев Троянской войны, убитый Гектором.

56
Терсит – воин-данаец, избитый Одиссеем за словесные оскорбления Агамемнона.

57
Фортуна (греч. миф.) – богиня судьбы.

58
Ты, мой брат... – Обращение Тевкра Теламонида к памяти брата, Аякса Теламонида.

59
Коварнейший – Одиссей, получивший после смерти главного героя Троянской войны, вождя ахейцев Ахилла (Ахиллеса), его доспехи.

60
Эрев (Эреб) – в античной мифологии царство мертвых, погруженное во мрак.

61
Жертва губительного гнева – Аякс Теламонид покончил жизнь самоубийством, так как тщетно добивался получить щит и меч Ахиллеса, доставшиеся Одиссею.

62
Неоптолем – Пирр, сын Ахиллеса, убивший Приама и его сына Полита.

63
Диомед – царь Аргоса.

64
Гектор – сын Приама и Гекубы, убитый Ахиллесом.

65
Нестор – царь Пилоса, известный своей мудростью.

66
Гекуба – жена троянского царя Приама, потерявшая в Троянской войне мужа и сына.

67
Ниобея (Ниоба) – жена фиванского царя Амфиона. За насмешки над Латоной, матерью Аполлона и Артемиды, последние истребили семерых сыновей и семерых дочерей Ниобы.

68

Баллады. Василий Андреевич Жуковский zhukovskyvasily.ru
лета (миф.) – река в загробном мире.

69

Кассандра – дочь Приама и Гекубы, прорицательница.

70

Скамандр – река около Трои.

71

Перевод баллады английского поэта Р. Саути на тему средневекового предания.

72

Перевод баллады Шиллера «Водолаз».

73 Епанча – широкий длинный плащ.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!